

Гончарова Евгения Александровна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
eagon@rambler.ru

Цуциева Мария Геннадьевна

Военная академия связи им. С. М. Буденного,
Россия, 194064, Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 3
maria-ts@yandex.ru

Лингвокогнитивные и коммуникативно-прагматические особенности речевой деятельности политика в дискурсивной позиции «после власти»

Для цитирования: Гончарова Е. А., Цуциева М. Г. Лингвокогнитивные и коммуникативно-прагматические особенности речевой деятельности политика в дискурсивной позиции «после власти». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (2): 339–362. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.206>

Мыслительно-речевая деятельность языковой личности политика в дискурсивной позиции «после власти» имеет ряд существенных отличий по сравнению с этапами «до власти» и «во власти». Ее общий когнитивный и коммуникативно-прагматический характер, который можно обозначить как аккумулятивно-синкретический, адаптационный и агональный, обусловлен в первую очередь органичным сочетанием в текстах, порождаемых политиком в период послевласти, содержательно-тематических и речевых сигналов личного и политического прошлого опыта, проецируемого на проблемы индивидуального настоящего и включаемого в прогнозы социального будущего. В структуре языковой личности послевластного политика наблюдается субъектно-объектное «расслоение» с разным балансом субъектного и/или объектного функционального статуса. В роли субъекта когниции и коммуникации политик «после власти» создает собственные тексты, в первую очередь мемуары и политические речи. Становясь объектом оценки для чужих мнений, он вербально реагирует на них как ментально-речевой субъект контактных или удаленных по времени от другой стороны коммуникации речевых высказываний в коммуникативных ситуациях интервью, политической дискуссии, публичного отклика на статьи других политиков или комментарии журналистов. При этом в качестве объекта экс-политик публично обсуждается не только по социально-профессиональным функциям, но и по персональным качествам, что свидетельствует об обязательном сочетании в структуре его личности институционально-профессионального и индивидуального параметров сторонней оценки. Для политических мемуаров — главной текстовой формы публичной самопрезентации политика «после власти» — характерно отсутствие синхронной обратной связи с адресатом, актуальной для публичных политических выступлений на этапах «до власти» и «во власти». Вследствие этого центральной прагматической стратегией этого типа текста является квазидialog, или квазидискуссия: аргументированные рас-

суждения мнемонического автора, прогнозирующего и предвосхищающего возможные вопросы и сомнения потенциального читателя.

Ключевые слова: языковая личность политика, политический дискурс, дискурсивная позиция.

Введение

Речевая деятельность профессионального политика протекает по принципу идиодискурсивного цикла, внутри которого возможно выделение трех дискурсивных позиций: «до власти», «во власти» и «после власти» [Цуциева 2019]. Эти дискурсивные позиции отличаются друг от друга, во-первых, количественным объемом и характером когнитивного и коммуникативно-прагматического взаимодействия языковой личности политика с представителями четырех сегментов политической коммуникации: дискурса профессиональных политиков, дискурса СМИ, дискурса публики, дискурса посредников-политтехнологов [Цуциева 2019]. Во-вторых, для каждой из названных позиций характерен определенный набор преимущественно используемых политиком в этой дискурсивной фазе видов текстов, в содержании и форме которых находят выражение мотивационные причины и целевые установки, речевые стратегии и тактики, наиболее действенные на данном этапе политической карьеры, а также индивидуальные интеллектуальные, профессиональные и поведенческие качества политика.

Наименее изученными в современной политической лингвистике можно считать особенности когнитивной и коммуникативной деятельности политика в период «после власти». Это является следствием того, что и сама «власть» как социально-политическая категория, и речевые средства, выражающие ее взаимодействие с социумом в целом и с его отдельными представителями, изучаются преимущественно на этапе либо борьбы политиков за власть во время предвыборной кампании, либо обладания ими политической властью в статусе главы государства.

Общая характеристика идиодискурсивной позиции языковой личности политика «после власти»

Как объект лингвистических наблюдений политический идиодискурс «после власти» представляет собой синкретический и динамический когнитивно-дискурсивный феномен, поскольку он обладает признаками как синхронного актуальному настоящему времени дискурса политики, так и мнемонического дискурса. Политик, занимавший ранее определенный государственный пост (нем. *Ex-Kanzler*, *Ex-Präsident*) и обладавший властными полномочиями, а также соответствующим социально-правовым статусом, после отставки с руководящей должности, как правило, не уходит с политической сцены окончательно. Он не прекращает свое участие в политических событиях, важных в данный момент для общества, оценивая их в том числе и с точки зрения своего прошлого опыта. Экс-лидер продолжает оставаться активным **субъектом** политического дискурса и как общественный деятель, и как избиратель, и как член определенной политической партии, и как личность, биография и мнение которой по вопросам текущей политики могут оказать влияние на политические процессы.

Универсальная персуазивная стратегия на этом идиодискурсивном этапе социально-политической деятельности направлена в первую очередь на убеждение публики в значимости своей личности как политической фигуры не только прошлого, но и настоящего. К когнитивным и коммуникативно-прагматическим параметрам речевой деятельности в период «после власти» принадлежит, кроме того, адаптивность, то есть приспособляемость политика к новым реалиям, меняющимся общим социально-политическим условиям, а также к модификациям личной коммуникативно-речевой среды, неизбежным после ухода с властной позиции. При этом если политик принимает решение вновь занять определенный государственный пост, а значит, вновь участвовать в предвыборной борьбе, его речевая деятельность на этапе «после власти» включает и определенные черты агональной, то есть состязательной по своей сути, дискурсивной позиции «до власти», дополненные профессиональным опытом политика, уже обладавшего политической властью. Исходя из вышесказанного, дискурсивное поведение языковой личности политика в период политического послевластия можно охарактеризовать, что уже отмечалось выше, как аккумулятивно-синкретическое: в нем органично сочетаются содержательно-тематические приметы и речевые сигналы как актуального настоящего, так и проецируемого на него прошлого.

Подобное сочетание определяет, с одной стороны, характер коммуникативных ситуаций с речевым участием политика «после власти», а с другой — его прагматический статус как действующего лица социально-политического речевого общения. В этом статусе представлены три функциональные позиции языковой личности политика.

Первая — это политик в функции активного **субъекта** когниции и коммуникации, который создает собственные (монологические) речевые высказывания с разными целевыми установками (например, экспертная оценка какого-то актуального либо прошлого политического события, воспоминания о прежней собственной деятельности или действиях других политиков и др.).

Во второй позиции политик представляет собой действующий речевой **субъект** и одновременно с этим **объект** оценочных суждений, эксплицируемый в речи других субъектов политического общения, например журналистов или политических оппонентов, и имеющий возможность ответить на суждения в свой адрес в качестве **речевого субъекта** (во время интервью, политической дискуссии и др.).

Третья позиция связана с тем, что политик «после власти» постоянно становится **объектом** стороннего обсуждения, не принимающим непосредственного вербального участия в обсуждении собственной личности и политической деятельности третьими лицами (в публичных устных выступлениях или статьях других политиков, в комментариях журналистов и т. д.), а лишь удаленно реагирующим на это обсуждение.

Как видим, во всех названных функциональных позициях политика «после власти» происходит когнитивно-дискурсивное субъектно-объектное и функциональное «расслоение» в структуре его языковой личности — с разным характером коммуникативно-прагматического баланса между ними.

Если после своей отставки политик выступает на политической сцене в **субъектной** функции эксперта-аналитика, главная цель его когнитивной и коммуникативно-речевой деятельности состоит в политической оценке действий тех дея-

телей, которые в данный момент обладают политической властью, или политиков, которые участвуют в предвыборной борьбе, то есть находятся в позиции «до власти». В этой оценке находят отражение как индивидуально-субъективная, так и институционально-коллективная точки зрения, поскольку политик, как и прежде, принадлежит к определенной политической партии или социально-политическому направлению. Интерпретируя, одобряя или критикуя политические действия своих преемников, политик оценивает и собственную «властную» политическую деятельность (как правило, положительно, хотя и с признанием некоторых ошибок) в ее проекции, с одной стороны, на актуальные политические события, а с другой — на эпизоды из собственной личной жизни, непосредственно связанные с политической жизнью общества.

Тем самым содержательно-тематическим **объектом** его речевых действий становятся не только другие политики и связанные с ними социально-политические события, но и он сам в качестве **автообъекта** (объекта для аналитического «ретроспективного» познания самого себя). Тексты, создаваемые в подобных ситуациях языковой личностью послевластного политика, служат предметом публичного обсуждения со стороны других **субъектов** политического дискурса (журналистов, политиков-оппонентов, политиков-коллег и общественности) и становятся значимым сегментом актуального политического дискурса. За счет этого в структуре языковой личности политика на передний план выдвигается его статус содержательно-тематического **объекта** для других **субъектов** политического взаимодействия.

Вследствие вышеописанных изменений в общих стратегических и тактических установках речевого поведения в позиции послевластия, обусловленных прежде всего намерением политической самореализации в дискурсивном пространстве полисубъектного социально-политического взаимодействия, меняется и спектр используемых политиком видов текстов. Наряду с публичной речью как частью политических дебатов и дискуссий, наиболее значительный сегмент в индивидуальном дискурсивном пространстве политика «после власти» принадлежит мемуарам и интервью, публичным лекциям и докладам.

Внутри названных типов текстов определенные изменения претерпевает и характер предпринимаемых конкретных речевых шагов, которые связаны коррелятивными отношениями с функциями языковой личности политика, соответствующими когнитивному и прагматическому контексту идиодискурсивной позиции «после власти» [Гончарова 2016]. Эти речевые шаги диктуются когнитивными и коммуникативно-прагматическими функциями речевого поведения в рассматриваемый период профессиональной карьеры, а также уже отмеченным выше функционально-прагматическим «расслоением» ментально-речевого «я» политика, которое связано с переориентацией его субъектного и/или объектного статуса в процессе взаимодействия с другими участниками политической коммуникации. Принципиальную роль среди ментально-речевых действий политика в позиции «после власти» играют, как уже говорилось, ретроспективное осмысление собственной жизни и общественной деятельности в историческом и актуальном социально-политическом контексте, критический анализ точек зрения и деятельности других участников политического дискурса, прогнозирование на этом фоне последующих социально-политических событий и ситуаций.

Речевая актуализация субъектно-объектного статуса политика в текстах политических мемуаров

Наиболее распространенным типом текста в идиодискурсе политика «после власти», где он выступает в роли автора и тем самым в статусе актуализированного **субъекта** ментально-речевой деятельности, являются политические мемуары, строящиеся по законам мнемонического повествования. Политические мемуары — это написанный от лица политика документально-публицистический литературный текст, основанный на воспоминаниях автора об этапах своего становления и развития как личности и политического деятеля, об участии (и нередко руководящей роли) в значительных историко-политических событиях, о взаимоотношениях с отдельными политиками и политическими группами, электоратом, средствами массмедиа.

Основная когнитивно-дискурсивная особенность политических мемуаров как монологического высказывания экс-политика (создаваемого в письменном виде и, как правило, в достаточно продолжительный период времени) складывается из целого ряда моментов. Во-первых, стремление любого политика к власти объясняется не в последнюю очередь честолюбивым желанием стать «историческим лицом», по крайней мере, для своей страны. Поэтому в тексте мемуаров всегда присутствует политический самоанализ с исторических позиций, построенный на сложном переплетении временных планов прошлого, настоящего и будущего.

Во-вторых, в отличие от текстов, фиксирующих речевую деятельность языковой личности политика «до власти» и «во власти», непременным условием которой является непосредственное (синхронное) взаимодействие политика с избирателями, оппонентами, журналистами (например, в политических дебатах, выступлениях на предвыборных встречах и др.), в мемуарах отсутствует синхронная обратная связь с адресатом. Вследствие этого основной прагматической стратегией автора становится квазидialog, или квазидискуссия, то есть такая организация мнемонического повествования, в которой значительные сегменты занимают «диалогически открытые», аргументированные рассуждения по поводу определенных политических событий и мотивов автора, прогнозирующего и предвосхищающего возможные вопросы и сомнения потенциального (массового) читателя.

Специфика актуализации категории образа автора в структуре политических мемуаров вытекает, далее, из промежуточного положения текста воспоминаний между художественным и документально-публицистическим жанрами [Журавлева 2012: 7]. Политические мемуары, наряду с собственно мнемоническим, экспрессивно-психологическим повествованием от 1-го лица, содержат, как правило, значительные по объему выдержки из историко-политических документов, политических дискуссий, речей, партийных программ, переписки и т.д. Эти документальные компоненты структуры политических мемуаров не только обеспечивают историческую достоверность текста воспоминаний. Они мотивируют читателя к аналитическому со-мышлению, со-действию в историко-политическом процессе и расширяют дискурсивную (квазидialogическую) перспективу текста.

К релевантным признакам мемуаров как типа текста относятся, помимо этого: 1) одновременное имманентное присутствие в «я» автора **субъекта** и **объекта** изображения; 2) господство одного эгоцентрического сознания, которое как способ

осмысления мира произвольно выбирает из прошлого события для их фиксации в письменной форме; 3) ретроспективная направленность временного движения повествования; 4) композиционно-сюжетная неоднородность повествования, являющаяся следствием в том числе свободы и некой хаотичности процессов воспоминания [Нюбина 2000: 13].

В силу названных признаков жанр мемуаров позволяет крупным политическим деятелям наиболее аутентично проанализировать с позиций настоящего времени значимые социально-политические события прошлого, к которым он имел непосредственное отношение, и оценить свой личный вклад в политическую историю страны. Анализ прошлого, интерпретация настоящего и прогнозы на будущее на правах эксперта, имеющего опыт политической деятельности, дополняют друг друга в мнемоническом дискурсе политика в позиции «после власти». При этом ретроспективное осмысление политиком социально-политического и индивидуально-биографического прошлого проходит, как уже отмечалось выше, под стратегическим знаком собственной положительной самопрезентации, что не исключает, однако, и самокритики с точки зрения его прошлого и настоящего опыта.

Как отмечает российский историк А. С. Ерусалимский в предисловии к русскому изданию известных во всем мире воспоминаний О. фон Бисмарка, в политических мемуарах «...одни пытаются задним числом свести счеты со своими политическими противниками; другие стремятся приоткрыть завесу над некоторыми дотоле неизвестными событиями, в которых они участвовали или к которым имели то или иное отношение; третьи хотят напомнить современникам и потомству о своих подлинных или мнимых подвигах и заслугах. Но все они, прежде всего, стремятся оправдать свою собственную политическую деятельность, показав в убедительном или привлекательном свете ее подлинные или позднее придуманные мотивы. С этой целью мемуаристы обычно замалчивают одни факты, излишне подчеркивают другие, пронизывают все определенной тенденцией и вдобавок пытаются всему этому придать черты достоверности и убедительности. Таким образом, мемуары — это, прежде всего, апологетический документ, где автор имеет возможность выступить в качестве своего собственного адвоката и судьи одновременно»¹.

Похожие мысли относительно условной достоверности политических мемуаров высказывает и немецкий историк С. Ф. Келлердорф, считающий, что «...все политические мемуары... нельзя воспринимать буквально. Они отображают не реальную действительность, а тот образ, в котором видит себя их автор» («...alle Politiker-Memoiren darf man ... nicht wörtlich nehmen. Sie bilden nicht die Wirklichkeit ab, sondern das Bild, das der nominelle Verfasser von sich zeichnen wollte»)² (перевод с немецкого здесь и далее наш. — Е. Г., М. Ц.).

Широкое употребление в мемуарах антропонимов, топонимов, разных форм датирования, ссылок на реальные факты и их участников служит для обозначения внутренних личностных и внешних пространственно-временных координат изображаемой историко-политической действительности и свидетельствует о субъективно отмеченном прагматическом фокусировании в структуре текста событий,

¹ Мемуары О. Бисмарка «Мысли и воспоминания» (перевод с немецкого под редакцией проф. А. С. Ерусалимского). <http://prussia.online/books/misli-i-vospominaniya> (дата обращения: 31.10.2019).

² Was man jetzt über Helmut Kohl lesen sollte — und was nicht (Что нужно читать о Гельмуте Коле сейчас, а что нет). <http://www.welt.de/geschichte/article166101786/html> (дата обращения: 03.03.2020).

важных для самораскрытия и развития вспоминающего «я» (ср.: [Нюбина 2000: 24]). Индивидуальные характерологические особенности языковой личности политика, а также определенные перипетии его нахождения в предыдущей дискурсивной позиции «во власти» не могут не сказаться на речевой актуализации и тематическом сочетании в структуре текста мемуаров лично и социально обусловленных мотивов мнемонического повествования. Последние, в свою очередь, в разной степени включают как субъективные рефлексии по поводу личной политической карьеры, так и аналитический комментарий по поводу собственных и чужих политических действий в их проекции на общий контекст историко-политического развития.

Сопоставление мемуаров четырех немецких канцлеров, в разное, но знаковое для политической истории Германии время находившихся во власти, дает показательный в этом отношении дискурсивно-текстовый материал. Так, известный всему миру «железный канцлер» Бисмарк, занимавший государственный имперский пост с 1871 по 1890 год, создавал мемуары под заглавием «Gedanken und Erinnerungen» («Мысли и воспоминания»), только опираясь на память, без использования документов или дневниковых записей. Эти мемуары, появившиеся уже после его смерти, представляют собой по существу устные воспоминания, которые политик в период послевластия надиктовал помощнику, журналисту Л. Бухеру. В связи с этим историческим фактом возникает важный именно для политических мемуаров вопрос экспликации в них авторской аутентичности. Между автором и слушателем/читателем в политическом дискурсе и тексте нередко стоят посредники: например, политтехнологи, пишущие политические речи; журналисты и/или личные секретари, редактирующие выступления и воспоминания политиков, и т. д. Вслед за А. В. Суриной и Е. А. Журавлевой будем считать, тем не менее, автором мемуаров самого политика, поскольку определяющую роль для содержания и формы порождаемых им текстов, в том числе текста воспоминаний, всегда играют психолого-поведенческая специфика его личности, используемые им коммуникативные стратегии и тактики, а также общеизвестные особенности его индивидуального дискурса [Сурина 2007; Журавлева 2012].

По отношению к послевластному дискурсу Бисмарка необходимо отметить и тот факт, что он до конца жизни не мог смириться со своей принудительной политической отставкой королем Вильгельмом II и все следующие после нее годы параллельно с работой над воспоминаниями активно сотрудничал с прессой. Он сделал своей трибуной газету *Hamburger Nachrichten*, на страницах которой критически реагировал на политические события кайзеровской Германии последнего десятилетия XIX в. Поэтому его мемуары многие историки рассматривают как «акт мести» (*Racheschrift*) королю Вильгельму II и политическим противникам. Как отмечал впоследствии уже упомянутый Бухер, Бисмарк «всячески отрицал свою причастность к политическим неудачам прошлого и не признавал никаких авторитетов, равных ему» (*Bei nichts, was misslungen ist, will er beteiligt gewesen sein, und niemand lässt er neben sich gelten*³).

Однако, признает известный немецкий политический деятель и историк нашего времени П. Хейз, «...несмотря на все заблуждения и ошибочные суждения автора воспоминаний, в основе которых лежат его личные предубеждения, а, может

³ Wie Bismarck die Euro-Krise gemeistert hätte. <https://www.welt.de/kultur/history/article13698979/Wie-Bismarck-die-Euro-Krise-gemeistert-haette.html> (дата обращения: 31.10.2019).

быть, именно благодаря им “Мысли и воспоминания” навсегда останутся произведением, имеющим монументальный смысл для понимания целой эпохи, потому что этот человек как своими победами, так и поражениями определил контуры эпохи» (*Die Gedanken und Erinnerungen‘ könnten noch mehr Irrtümer enthalten, noch viel mehr aus Ressentiments stammende, oder aus Sorge sich begründende Fehlmeinungen, sie würden trotzdem, und manchmal gerade dadurch, das monumentale Grundwerk für die Erkenntnis einer Epoche bleiben, weil nun eben diese Epoche von diesem Mann, in den Siegen wie in den Niederlagen, die entscheidenden Linien eingezeichnet erhalten hat*⁴). Тем самым эти воспоминания по праву можно отнести к ряду важных хроник определенного социально-исторического периода в развитии Германии и Европы.

В ином мотивационном и содержательном ключе пишет в течение многих лет свои объемные (четырёхтомные) «Воспоминания 1945–1963 гг.» («Erinnerungen 1945–1963») канцлер образованной в 1949 году ФРГ К. Аденауэр (годы нахождения во власти 1949–1963), посвятивший их «отечеству» (*meinem Vaterland*). Этот политик, в отличие от Бисмарка, использует с целью активизации работы памяти и достоверности изложения многие политические документы времени своего правления и личные рабочие материалы и записи. При этом, по мнению современного немецкого политолога и историка Х. Ю. Кюстера, в основе композиционно-смыслового построения текста мемуаров Аденауэра лежит реализация трех интенций автора. Первая состоит в критическом комментировании тех событий, освещение которых в массмедиа бывший канцлер считал ошибочным, и связанным с этим публичным опровержением бытующего мнения о нем как о «канцлере единоличных решений» (нем. *ein Kanzler der einsamen Beschlüsse*) [Küsters 2005: 125]. Вторая интенция заключается в намерении разъяснить основополагающие принципы проводимого политического курса и доказать долговременность его действия. Третья вытекает из осознания своего долга как ведущего политика поделиться опытом с другими. Как считает этот авторитетный немецкий политолог, Аденауэр рассматривал свои мемуары прежде всего не как рефлексию из настоящего на прошлые политические решения и их ретроспективное оправдание. Решающую роль для Аденауэра играло то, что взгляд в прошлое должен служить построению будущего. Актуальные политические проблемы и будущее развитие интересовали его в большей мере, чем размышления о прошлом:

Anders als Bismarck verstand er sein Werk aber nicht in erster Linie als Rückschau, reflektierende Betrachtung seiner Entscheidungen und deren nachträgliche Legitimation. Entscheidend war für Adenauer, dass der Blick in die Vergangenheit der Gestaltung der Zukunft zu dienen habe. Ihn interessierten aktuelle politische Probleme und künftige Entwicklungen mehr als die Reflexion über Vergangenes [Küsters 2005: 141].

Иначе говоря, ментально-речевой субъект — автор мемуаров — исполняет в этом случае скорее функцию смотрящего в будущее аналитика-эксперта, в том числе и собственных политических действий, чем рефлексирования по поводу своей прошлой политической карьеры. Аденауэр полагает, что долгая жизнь в политике дала ему возможность накопить большой опыт, а опыт, по мнению авто-

⁴ Bismark O. *Gedanken und Erinnerungen*. <https://www.zeit.de/1983/48/gedanken-und-erinnerungen> (дата обращения: 31.10.2019).

ра, — это та «сила, которая, как никакая другая, включая и врожденный интеллект, способна руководить мышлением и действиями человека — особенно в области политики»: *Erfahrung kann eine Führerin des Denkens und des Handelns sein, die durch nichts zu ersetzen ist, auch nicht durch angeborenen Intellekt. Das gilt insbesondere für das Gebiet der Politik* [Adenauer 1965: 13].

Определенную зависимость содержания и формы текста мемуаров от характерных персональных черт и обстоятельств профессионально-политической карьеры автора воспоминаний позволяют выявить и мемуары двух бывших канцлеров Германии конца XX — начала XXI в. — Г. Шрёдера («*Entscheidungen: Mein Leben in der Politik*») и Г. Коля («*Erinnerungen*») (в двух частях: 1-я часть — 1930–1982; 2-я — 1982–1990 гг.).

Шрёдер в дискурсивной позиции «после власти», так же, как и в позициях «до власти» и «во власти», придает большое значение собственной медийной популярности. Обладая общепризнанной харизматичностью и полемическим талантом, политик постоянно работает на свой публичный образ, положительная оценка которого в обществе становится выше, чем оценка руководимой им политической партии. Немецкая пресса нередко называет Шрёдера «медийным канцлером» (*Medienkanzler*) и «мастером сцены» (*Kanzler des Rampenlichts*), который постоянно «инсценирует самого себя» (*Er inszeniert sich selbst*). Политик не изменяет этому имиджу и во время публичного представления своих мемуаров немецкой общественности, которое само по себе является самостоятельным рекламным дискурсом: Шрёдер печатает в журналах «Бильд» и «Шпигель» отрывки текста уже до момента его окончательной публикации, многократно дает интервью по поводу мемуаров в прессе и на телевидении, а также участвует в шоу, посвященном их выходу в свет в 2006 г. Подобная «благоклонная оценка собственной карьеры и личности» (*eine wohlgefällige Weichzeichnung der eigenen Karriere und Identität*), свойственная Шрёдеру, и постоянная «презентация своей персоны» (*die eigene Selbstdarstellung*) неоднократно подвергались публичной критике (см., например, мнение обозревателя газеты *Frankfurter Rundschau* Р. Менга⁵).

В роли автора политического мемуарного текста Шрёдер часто делится с читателем воспоминаниями об эпизодах частной жизни, казалось бы, далеких от политики, но важных, с его точки зрения, для становления личности. Автор эмоционально и образно описывает в форме эгоцентрического повествования безрадостное и нищее послевоенное детство в семье без отца, любовь к матери, увлечение футболом, годы профессионального и социального взросления, стараясь сложить из разрозненных мозаичных частей собственный автопортрет, не всегда совпадающий с мнением о нем других:

Warum erzähle ich davon? Diese Erinnerungen sind die Quellen meiner Selbstwahrnehmung. Es sind Puzzleteile, die sich zu meinem Selbstbild zusammenfügen, und das hat mit der Wahrnehmung mancher schreibender oder sendender journalistischen Wegbegleiter oft wenig gemein. Nicht immer konnte ich in den öffentlich zugänglichen Beschreibungen des Politikers, des „Medienkanzlers“ Gerhard Schröder, meine Antriebe oder Motive wiederfinden [Schröder 2006: 27] (Почему я рассказываю об этом? Эти воспоминания — источники моего

⁵ Meng R. *Rezensionsnotiz zu Frankfurter Rundschau*. <http://www.perlentaucher.de/buch/gerhard-schroeder/entscheidungen.html> (дата обращения: 31.10.2019).

самосознания. Они как детали головоломки, которые складываются вместе, чтобы создать мое представление о самом себе, часто имеющее мало общего с восприятием меня некоторыми журналистами, пишущими или говорящими обо мне. Я не всегда мог узнать свои цели, намерения или мотивы в многочисленных описаниях политика, «медийного канцлера» Герхарда Шрёдера).

Ментально-речевой эгоцентризм пронизывает рассуждения Шрёдера о многих эпизодах его политической карьеры, в которых автор не уклоняется от прямого выражения личной точки зрения и по поводу конкретных социально-исторических событий, а также политических деятелей своего времени. Так, наиболее ярким и значительным в карьере любого политика Шрёдер считает период предвыборной борьбы, потому что, по его эмоционально выражаемому мнению, это время прямого общения с народом и особой близости между народом и политиком (текст немецкого оригинала: *Für mich ist Wahlkampf die interessanteste Zeit im Politikerdasein. <...> Die Kür für mich ist der Wahlkampf, die direkte Begegnung mit dem Wähler, das Werben, das Kämpfen um Stimmen, der Austausch von Argumenten. <...> Auf Wahlkämpfe trifft zu, was für Politik als Ganzes gilt: Wem es in der Küche zu heiß ist, der sollte nicht Koch werden*) [Schröder 2006: 354] (Для меня предвыборная борьба — самое интересное время в моей жизни как политика. <...> Для меня избирательная кампания, встречи с избирателем, агитация, борьба за голоса, обмен аргументами — это наслаждение и простор. <...> То, что относится к политике в целом, относится и к избирательным кампаниям: если на кухне вам слишком жарко, не стоит становиться поваром). Можно отметить и определенную толерантность Шрёдера, который сам неоднократно называет себя приверженцем «взвешенной политики» (нем. *Politik der ruhigen Hand*) в оценках политических оппонентов. Например:

Kritiker, die besonders unfair waren, nehmen wir mal meinen Vorgänger im Amt, sind mir gleichgültig. Sie berühren nicht mein Leben [Schröder 2006: 489] (Критики, которые были особенно нечестны и несправедливы, например по отношению к моему предшественнику на этом посту, мне безразличны. Я к ним равнодушен).

Предшественник, которого имеет в виду Шрёдер, — федеральный канцлер Коль — преследует в созданных мемуарах прежде всего цель показать свою институциональную и функциональную политическую роль «канцлера объединения» в истории Германии, что, в частности, подтверждает и заголовок другого его мемуарного текста: «*Ich wollte Deutschlands Einheit*» («Я стремился к объединению Германии»). В отличие от Шрёдера, Коль подводит определенные итоги не столько собственной частной жизни, сколько пятидесяти лет политической истории в Европе и Германии, отмечая, однако, в предисловии ко второму тому мемуаров, что и для него встречи с конкретными людьми и личный опыт были в неменьшей степени важны, чем «так называемая большая политика»:

Für mich sind persönliche Begegnungen und Erfahrungen immer ebenso wichtig gewesen wie die sogenannte große Politik der Staatsempfänge und Gipfelgespräche [Kohl 2005: 13].

Коль стремится к строгому соблюдению достоверности воспоминаний, для чего он сам и его сотрудники проработали многочисленные документы описываемого им периода, отрывки из которых часто приводятся в тексте:

Für die Arbeit an diesem zweiten Band meiner Erinnerungen haben mein Mitarbeiter und ich zahlreiche Quellen jener Zeit studiert und ausgewertet [Kohl 2005: 13].

Как известно, не только он сам, но и другие участники современного немецкого социально-политического дискурса часто называют его «канцлером объединения» («Kanzler der deutschen Vereinigung», «Einheitskanzler»), так как именно в период канцлерства Коля (1982–1998 гг.) происходил процесс объединения Германии, в который он внес значительный персональный вклад. В своей книге воспоминаний Коль шаг за шагом тщательно перечисляет и анализирует отдельные события, предшествовавшие падению берлинской стены и объединению, анонсируя их включение в текст специальными заголовками, которые обеспечивают прозрачное композиционное членение книги.

Так, третья, заключительная, часть воспоминаний имеет 58 тематических разделов, заголовки которых представляют собой не только нейтральную номинацию хронологически связанных событий (*Drittes Kabinett; Mauerfall; Toronto-Gipfel; Bonn-Jubiläum*) (*Третий кабинет; Падение стены; Саммит в Торонто; Юбилей в Бонне*). Абсолютное большинство заголовков содержат либо аналитическую оценку вспоминаемого эпизода (*Ein Tor geht auf; Durchbruch; Schwierige Phase; Sieg und Niederlage; Neues Danken; Wahldebakel und Gipfelpolitik; Eskalation; Tage der Entscheidung*) (*Ворота открываются; Прорыв; Трудный период; Победа и поражение; Очередная благодарность; Провал на выборах и политика саммита; Эскалация; Дни принятия решений*), либо эмоциональную рефлексию по его поводу со стороны автора (*In tiefer Trauer; Unvergessliche Reisen; Gipfel der Harmonie; Desaster; Mehr als politische Gesten*) (*В глубокой скорби; Незабываемые путешествия; Вершина гармонии; Desaster; Больше, чем политические жесты*).

В ретроспективном политическом автопортрете Коля и руководимой им политической партии можно проследить эксплицитное развертывание нескольких лейтмотивов, к важнейшим из которых, кроме темы объединения Германии на фоне единой Европы, на наш взгляд, принадлежат две внутренне оппозиционные темы: «политические достижения и ошибки» и «политическое прошлое — будущее».

Неоднократно вынося критические оценки результатам собственной деятельности и политики ХДС в прошлом, Коль в то же время неоднократно заявляет в мемуарах о поддержке политики руководимой им партии немецким народом:

Bei allen Fehlern, die uns unterlaufen sein mochten die Bürger wussten, dass wir in den Existenzfragen unseres Volkes verlässlich waren [Kohl 2005: 851].

Несмотря на то что (как показывает автор мемуаров в приведенном примере и в других фрагментах текста) действия политиков-лидеров, в том числе и его собственные, не могут не сопровождаться поражениями, ошибками и разочарованиями, тем не менее они всегда в той или иной мере определяют характер социально-политического будущего. Неоднократно цитируя фундаментальный лозунг своей партии «*Die Schöpfung bewahren — die Zukunft gewinnen*» («Сохранять достигнутое — завоевать будущее») при описании и комментировании конкретных эпизодов своей «властной» политической деятельности, связанных с объединением Германии, экс-канцлер соединяет четкой композиционно-смысловой линией тематические мотивы прошлого и будущего:

Wenn wir wollten, dass unser Land auch morgen Spitze war, mussten wir die Weichen richtig stellen. <...>Wenn wir auch morgen ein Spitzenland haben wollten, dann mussten wir uns heute anstrengen. Dieser Weg war nicht leicht, aber ich wusste, es war der richtige Weg [Kohl 2005: 858–859] (Если мы хотели, чтобы наша страна и завтра оставалась лидером, мы должны были взять правильный курс. Если мы хотели, чтобы и завтра наша страна была на лидерских позициях, тогда усилия надо было приложить сегодня. Этот путь был непростым, но я знал, что это был правильный путь).

Как видим, языковая личность канцлера проявляет себя в тексте его мемуаров как в субъектном, так и в объектном речевых статусах. Коля, с одной стороны, постоянно выражает свою точку зрения на рассматриваемые политические события, а с другой — будучи опытным политиком, подвергает тщательному анализу и собственный политический путь, несвободный от противоречий, и действия своих явных и скрытых оппонентов. При этом экс-канцлер часто не может удержаться от выражения личных обид и претензий, прежде всего к прессе, которая, по мнению автора мемуаров, нередко умышленно скандализировала его фигуру, обыгрывая провинциальное происхождение, не вполне литературно-нейтральную норму произношения (использование в устной речи пфальцского диалекта) и незнание иностранных языков. Коля весьма часто критикует не только своих политических противников, но и, как он их называет, «мнимых соратников»:

Während ich versuchte, auf die weltpolitischen Veränderungen Einfluss zu nehmen und sie mitzugestalten, planten vermeinte Gefährten meinen Sturz als Parteivorsitzenden und Bundeskanzler [Kohl 2005: 458] (В то время, когда я пытался влиять на глобальные политические изменения и способствовать их осуществлению, мнимые соратники спланировали мое свержение с поста председателя партии и федерального канцлера).

Авторы откликов на эти воспоминания, в частности историк и политолог У.Венгст, противопоставляют политическую успешность Коля «во власти» и непреходящую значительность его фигуры в международной политике «злопамятности и во многих случаях несправедливости в оценках работавших вместе с ним политиков», которые проявились в мемуарах:

*Der erfolgreiche Staatsmann Kohl, am Ende der 1980er — und zu Beginn der 1990er-Jahre einer der Großen der internationalen Politik, zeigt sich in seinen Erinnerungen ausgesprochen nachtragend — und sein Urteil fällt oft ungerecht aus*⁶ (Успешный государственный деятель Коля, один из великих деятелей международной политики конца 1980-х — начала 1990-х годов, высказывает злую обиду в своих воспоминаниях — и его оценки часто несправедливы).

Несмотря на это, мемуары Коля, так же как и проинтерпретированные нами ранее воспоминания других политиков, можно считать одним из важнейших письменных свидетельств соответствующего важного периода в политической истории не только Германии, но и всего мира. Однако в подобных мнемонических текстах документальная точность и достоверность изображения политических деталей прошлого, а также убедительная авторская аргументация сопровождаются, как

⁶ Wengst U. *Helmut Kohl: Erinnerungen 1982–1990*. <http://www.sehepunkte.de/2006/09/9599.html> (дата обращения: 31.10.2019).

правило, эмоциональными персональными рефлексиями с исключительно мелиоративной социально-политической самооценкой.

Публичное выступление как зона (монологической) речевой деятельности политика «после власти»

Следующая коммуникативная ситуация политического дискурса, которая имеет прототипический характер для коммуникативно-речевой деятельности политиков в дискурсивной позиции «после власти», — публичные выступления на официальных мероприятиях, включая те, которые посвящены вручению им какой-либо премии. Подобные мероприятия в коммуникативно-речевом плане представляют собой достаточно строго регламентированную процедуру с конвенциональной и консеквентной последовательностью нескольких (автономных) комплексных речевых актов, ситуационно-тематическое и коммуникативно-прагматическое единство которых создает особый вид повторяющейся в социуме дискурсивной практики. Как правило, процедура открывается торжественным приветствием и/или обращением к публике одного или нескольких официальных лиц, затем следуют похвальная речь в честь персоны награждения — лауреата (так называемая «лаудация» — нем. *Laudatio*), собственно вручение премии и ответная речь-благодарность награждаемого лица (см. подробнее: [Гончарова 2019б: 19–36]).

Чествуемый политик, наряду с ритуальной благодарностью организаторам мероприятия (жюри) за вручение премии или награды, в риторической форме устного доклада анализирует настоящее и обращается к прошлому. Как и в мемуарах, он при этом акцентирует внимание на собственном вкладе в политическую жизнь государства и мира, а также делает политические прогнозы на будущее, которое мыслится оратором как логическое продолжение синтеза прошлого и настоящего.

Так, Коль на церемонии, посвященной вручению ему премии Й. Штрауса 30 сентября 2005 г. в Мюнхене, говоря в своем выступлении о проблемах настоящего, предлагает гражданам Германии оглянуться на прошлое, вспомнить о своих корнях и прошлых успехах и победах. В сильной начальной позиции текста экс-канцлер использует этикетное обращение к присутствующим (*meine Damen und Herren*), но его фактическим адресатом являются граждане ФРГ. Композиционно-смысловой лейтмотив всего выступления выражается цепочкой риторических вопросов, эксплицитно объединяющих темы прошлого (*woher wir kommen und wo unsere Wurzeln liegen*), настоящего (*warum in unserem Land heute ein negativer Geist herumgeht*) и будущего (*als könnte es nicht wieder bergauf gehen; wer soll es eigentlich packen, wenn nicht wir, die Deutschen?*):

*Es ist wichtig, meine Damen und Herren, sich immer wieder zu vergegenwärtigen, woher wir kommen und wo unsere Wurzeln liegen. ... warum in unserem Land heute ein negativer Geist herumgeht, als könnte es nicht wieder bergauf gehen? Meine Damen und Herren, wer soll es eigentlich packen, wenn nicht wir, die Deutschen?*⁷ (Дамы и господа, всегда важно помнить, откуда мы и где наши корни. <...> Почему сегодня в нашей стране так много

⁷ Rede des Preisträgers Dr. Helmut Kohl anlässlich der Verleihung des Franz Josef Strauß-Preises am 30. September 2005 in München. https://www.hss.de/fileadmin/migration/downloads/FJSP_2005_Rede_Helmut_Kohl.pdf (дата обращения: 22.02.2017).

негатива, как будто все еще не может наладиться? Дамы и господа, кто же должен все это привести в порядок, если не мы, немцы?)

Безусловно, одной из смысловых доминант речи Коля, ее «подводным течением», является при этом концепт «немецкое единство» (*Deutsche Einheit*), что тем более важно, поскольку процесс государственно-политического объединения Германии, как уже отмечалось ранее, непосредственным образом связан с его личной политической деятельностью:

*...Manche gönnten uns die Deutsche Einheit nicht, den Beitrag, den wir zur europäischen Einigung leisteten und die wirtschaftliche Entwicklung, die uns die Soziale Marktwirtschaft eröffnete*⁸ (Некоторые не признали значения германского единения, тот вклад, который мы внесли в объединение Европы и экономическое развитие, которое открыла для нас социальная рыночная экономика).

Коль включает в риторическую фигуру противопоставления два объекта аналитической оценки, выраженные лексемами *manche* и *wir*, что можно рассматривать как речевую актуализацию ценностно-концептуальной дихотомии «свой — чужой», типичной для политического дискурса. «Свой» или «мы» (*wir*) для оратора — немецкий народ и те политики, которые поддерживали политику самого Коля. Под *manche* подразумеваются те, кто сомневался в правильности его действий, причем возможно, что это относится как к гражданам Германии — оппонентам бывшего канцлера, так и к представителям других стран, не понимавшим, по мнению Коля, что именно Германия сыграла решающую роль в процессе объединения всей Европы.

Находясь в позиции политического послевластия, Коль, тем не менее, как субъектный центр дискурса и сильный политик считает своим долгом высказаться критически по поводу событий актуальной политики и принимаемых ныне политических решений, действуя тем самым в тактической логике агонального речевого общения:

*Herr Ministerpräsident Stoiber, es ist nicht meine Sache, die anstehenden Verhandlungen zur Bildung der Bundesregierung zu kommentieren. Aber eines ist sicher: Wir dürfen uns unsere Zukunft nicht zerreden lassen, schon gar nicht von jenen, die nichts, aber auch gar nichts in der Vergangenheit für die Zukunft getan haben*⁹ (Господин премьер-министр Штойбер, не мое дело комментировать предстоящие переговоры по формированию федерального правительства. Но одно можно сказать наверняка: мы не должны позволять говорить о нашем будущем тем, кто абсолютно ничего не сделал для него в прошлом).

Обращаясь лично к председателю партии ХСС, премьер-министру ФРГ Э.Штойберу (персональный адресат), но вместе с тем ко всему немецкому народу (массовый потенциальный адресат), Коль со свойственной ему уверенностью

⁸ Rede des Preisträgers Dr. Helmut Kohl anlässlich der Verleihungdes Franz Josef Strauß-Preises am 30. September 2005 in München. https://www.hss.de/fileadmin/migration/downloads/FJSP_2005_Rede_Nemut_Kohl.pdf (дата обращения: 22.02.2017).

⁹ Rede des Preisträgers Dr. Helmut Kohl anlässlich der Verleihungdes Franz Josef Strauß-Preises am 30. September 2005 in München. https://www.hss.de/fileadmin/migration/downloads/FJSP_2005_Rede_Nemut_Kohl.pdf (дата обращения: 22.02.2017).

и некоторой эмоциональной безапелляционностью (см. модальную разговорную конструкцию с отрицанием и семантикой «объединенного» долженствования *Wir dürfen uns unsere Zukunft nicht zerreden lassen*) заявляет, что он, уже не обладая руководящей государственной должностью (*es ist nicht meine Sache*), тем не менее как бывший канцлер Германии и значимый европейский политик имеет право на участие в публичной политической дискуссии. Подчеркивая, что будущее Германии не могут определять люди, ничего не сделавшие для нее в прошлом, экс-канцлер вновь возвращается к критической оценке непродуктивной, с его точки зрения, деятельности своих прежних оппонентов (*die nichts, aber auch gar nichts in der Vergangenheit für die Zukunft getan haben*) (кто абсолютно ничего не сделал для него в прошлом). В подтексте высказывания Коль как бы противопоставляет себя этим людям (безлично-обобщенному объекту отрицательной оценки) и имплицитно выражает мысль о том, что сам он заслужил «субъектное» право на комментарий по поводу процедуры формирования современного правительства ФРГ.

При описании собственной деятельности в позициях «до власти» и «после власти» экс-канцлер и дальше следует композиционно-речевой линии с главной темой *Einheit*. Он говорит о солидарности с такими видными немецкими политическими деятелями прошлого, как Л. Эрхард, К. Г. Кизингер, подчеркивая, что они «создавали историю вместе»:

*Es war von einer entscheidenden Bedeutung, dass CDU und CSU in dieser Phase an einem Strang zogen. Ich hoffe, dass die CSU auch bei künftigen Auseinandersetzungen nicht vergisst, dass wir nur gemeinsam die Zukunft gestalten können*¹⁰ (Решающее значение имело то, что ХДС и ХСС на этом этапе объединились. Я надеюсь, что и в дальнейшем, при возможных разногласиях, ХСС не забудет о том, что мы можем строить будущее только вместе).

Именно позиция единения — отдельных здравомыслящих политиков (к которым Коль причисляет себя), а также разных партий (в частности, ХДС и ХСС) и политических сил — привела, как считает оратор, к тому, что появились гласность и перестройка, а это, в свою очередь, — к падению стены (в прямом и переносном смысле) в Германии, а также между Западом и Востоком. Уточняя с помощью реализуемого контекста разные семантико-прагматические аспекты концепта *Einheit* (ср. *an einem Strang zogen, wir nur gemeinsam die Zukunft gestalten können*), экс-канцлер, с одной стороны, поясняет, почему этот концепт не теряет своей актуальности для современного, не только немецкого, политического дискурса. С другой стороны, для Коля «единство», или «объединение», является необходимой для обеспечения будущего политической платформой, которая построена не в последнюю очередь политиками (в том числе и им самим), стоявшими у истоков объединения. Тем самым этот концепт становится семантическим ядром для выстраивания в текстовой структуре выступления корреляций между ретроспекцией и проспекцией — двумя категориями текста, которые, по справедливому замечанию И. Р. Гальперина, особенно тесно переплетаются с его психолингвистическими параметрами, в свою

¹⁰ Rede des Preisträgers Dr. Helmut Kohl anlässlich der Verleihung des Franz Josef Strauß-Preises am 30. September 2005 in München. https://www.hss.de/fileadmin/migration/downloads/FJSP_2005_Rede_Helmut_Kohl.pdf (дата обращения: 22.02.2017).

очередь связанными с порождением читательского сопереживания [Гальперин 2005: 111].

Политик «после власти» в функции участника диалогического общения в коммуникативно-речевой ситуации интервью

К активным формам реализации ментально-речевой деятельности политика в идиодискурсивной фазе «после власти» относятся, далее, диалогические ситуации интервью, которые можно считать свидетельством того, что его персона продолжает играть роль социально значимого объекта публичного внимания. Как известно, к коммуникативно-прагматическим параметрам текста интервью принадлежит предписанный и взаимообусловленный характер коммуникативных ролей участников устного диалога. Журналист — инициатор устного диалогического общения (интервью как дискурс) и продуцент опубликованного **текста** интервью — выполняет институциональную речевую функцию организатора и ведущего диалога. В соответствии с этой ролью его коммуникативная функция — установление и поддержание контакта с политиком — персонажем интервью. Последовательность и содержание речевых действий-реакций последнего как **субъекта речи**, таким образом, находятся в зависимости от стимулирующих коммуникативных функций интервьюера, для которого политик является **объектом** журналистских наблюдений и анализа с целью определенного персуазивного воздействия на массового слушателя-читателя интервью (см. также: [Гончарова 2019а: 133–145]).

Обратимся к известному интервью, которое 6 мая 2013 г. дали журналу «Spiegel» два экс-канцлера Германии — Г. Шмидт и Г. Шрёдер. Интервью представляет собой разнонаправленный диалог: с одной стороны, между основными **субъектами** политического дискурса — журналистами и канцлерами, а с другой — непосредственно между самими канцлерами. Интервью называется «*Willy verstand nichts von Wirtschaft*»¹¹ («Вилли ничего не понимал в экономике») и предваряется журналистским комментарием о том, чему собственно будет посвящено интервью. Оба экс-канцлера — Шмидт и Шрёдер, которые ранее никогда не давали совместное интервью, — обсуждают взлеты и падения в 150-летней истории партии СДПГ, слабости третьего политика — В. Брандта — как политического лидера, а также важную тему скандализации политики в современном немецком обществе:

Die beiden Altkanzler Helmut Schmidt und Gerhard Schröder über Höhen und Tiefen der 150-jährigen SPD-Geschichte, die Schwächen Willy Brandts und die Skandalisierung von Politik... Noch nie haben Helmut Schmidt und Gerhard Schröder gemeinsam ein Interview gegeben: zusammen 163 Jahre sozialdemokratisches Leben an einem Tisch (Два бывших канцлера, Гельмут Шмидт и Герхард Шрёдер, о взлетах и падениях в 150-летней истории СДПГ, слабостях Вилли Брандта и скандализации политики... Гельмут Шмидт и Герхард Шрёдер никогда не давали вместе интервью: за одним столом о 163 годах жизни в социал-демократии).

Далее журналист обращается к обоим канцлерам со словами приветствия и предлагает первую тему диалога — 150-летие истории партии СДПГ:

¹¹ Willy verstand nichts von Wirtschaft. <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-94139253.html> (дата обращения: 27.11.2016).

SPIEGEL: Herr Schmidt, Herr Schröder, wir freuen uns sehr, dass Sie heute beide hier zusammensitzen. Wir wollen mit Ihnen über 150 Jahre SPD sprechen... (**SPIEGEL:** Господин Шмидт, господин Шрёдер, мы очень рады, что вы оба сегодня здесь с нами. Мы хотим поговорить с вами о 150-летию СДПГ...).

Шмидт подхватывает реплику журналиста и уточняет, со своей стороны, вопросы для обсуждения, считая наиболее важными ретроспективные и прогностические проекции сегодняшнего политического развития:

Schmidt: Sie wollen mit uns über 150 Jahre SPD reden: **Gegenwart, Vergangenheit und Zukunft** (Шмидт: Вы хотите поговорить с нами о 150 годах СДПГ: прошлом, настоящим и будущем).

Их собеседнику Шрёдеру наиболее проблематичным представляется состояние современной политики, о чем он заявляет в следующих словах:

Schröder: Das ist nicht so einfach. **Vor allem die Gegenwart ist problematisch** (Шрёдер: Это не так просто. Наиболее проблематичным представляется состояние современной политики).

В связи с этой темой следующим объектом оценочного обсуждения, поднимаемой журналистом, становится личность одного из претендентов на канцлерский пост П. Штайнбрюка:

SPIEGEL: Die interessiert uns am meisten! Vor anderthalb Jahren waren Sie, Herr Schmidt, auf dem SPIEGEL-Cover mit dem schönen Satz über Peer Steinbrück: „**Er kann es**“. Jetzt ist er zu „**Pannen-Peer**“ geworden. Glauben Sie immer noch, dass er es kann? (**SPIEGEL:** Это интересует нас больше всего. Полтора года назад Вы, господин Шмидт, появились на обложке SPIEGEL с красивой фразой о Пеере Штайнбрюке: «Он способен». Сейчас он превратился в «Пееера-неудачника». Вы по-прежнему полагаете, что он способен?)

Отвечая на вопрос журналиста о возможностях Штайнбрюка стать канцлером, Шмидт анализирует его личные качества как эффективного руководителя на посту министра финансов. Шрёдер разделяет точку зрения коллеги. Косвенной характеристикой обоих бывших канцлеров можно считать то, что эксплицитным объектом оценки для них становятся не только личность и политическая деятельность Штайнбрюка, но и такая особенность его речевого поведения, как стремление обо всем «говорить открытым текстом» (*Steinbrück hat es zu seinem Markenzeichen gemacht, Klartext zu sprechen*):

Schmidt: <...> Peer Steinbrück hat als Finanzminister gezeigt, dass er regieren und verwalten kann.

Schröder: Er kann es. Niemand ist fehlerfrei. Aber dass im Moment nur geschaut wird, ob er etwas Missverständliches sagt, ist nicht fair.

Schmidt: Ich stimme dir zu. Es ist eine Kampagne.

Schröder: Die Skandalisierung von Politik ist ein Problem.

SPIEGEL: Steinbrück hat es zu seinem Markenzeichen gemacht, Klartext zu sprechen. Wie viel Klartext verträgt denn so eine Kanzlerkandidatur?

Schröder: *Klartext ist immer in Ordnung. Aber wenn man über ausländische Kollegen spricht, muss man bedenken, dass man mit denen unter Umständen als Kanzler arbeiten muss...*

(Шмидт: <...> В качестве министра финансов Пеер Штайнбрюк показал, что он способен и руководить, и управлять.

Шрёдер: Способен. Никто не безупречен. Но сейчас обращают внимание только на его неудачные высказывания, что несправедливо.

Шмидт: Я согласен с вами. Это кампания.

Шрёдер: Скандализация политики — это проблема.

SPIEGEL: Говорить открытым текстом Штайнбрюк сделал своим фирменным стилем. Сколько открытого текста может выдержать такой кандидат в канцлеры?

Шрёдер: Говорить открыто и прямо — это всегда нормально. Но когда вы говорите о коллегах из-за границы, вы должны учитывать, что вам, возможно, придется работать с ними в качестве канцлера).

Как видим, оба канцлера, положительно относятся к «прямоте» публичных высказываний Штайнбрюка, но сомневаются в том, что это способствует его политическому авторитету, особенно в международной политике.

В ходе интервью журналист просит политиков спрогнозировать итоги выборов в текущем году (в чем проявляется эзотеричность как типологический параметр политического дискурса, по Е. И. Шейгал [Шейгал 2004]):

SPIEGEL: *Wie stehen denn die Aussichten, dass die SPD in diesem Jahr wieder einen Kanzler stellt?* (SPIEGEL: А каковы перспективы того, что СДПГ в этом году снова представит кандидатуру на пост канцлера?)

Шрёдер, как всегда достаточно категоричный и эмоциональный в высказывании личных оценок и мнений, сравнивает предвыборную ситуацию нынешнего года с ситуацией в 2005 г. (ретроспективно направленный анализ современного политического события на основе личного политического опыта) и предлагает не терять надежды и попытаться мобилизовать людей (прогностические политические действия). Шмидт, более осторожный в прогнозах на будущее, замечает, что «победа более вероятна, нежели проигрыш»:

Schröder: *(zu Schmidt) Helmut, willst du...*

Schmidt: *Nein, mach du.*

Schröder: *Ich hätte dir gerne den Vortritt gelassen! Ich will mal so sagen: Alle, die meinen, die Wahl sei schon gelaufen, irren. Auch 2005 haben alle, die „Zeit“ vornweg, geschrieben, dass es für uns aussichtslos ist. Dann wurde es aber sehr knapp. Wenn es gelingt, die eigenen Leute zu mobilisieren, würde ich die Flinte nicht ins Korn werfen.*

Schmidt: *Die Wahrscheinlichkeit ist weitaus größer als die Unwahrscheinlichkeit...*

(Шрёдер: (к Шмидту) Гельмут, может быть, ты...

Шмидт: Нет, давай ты.

Шрёдер: Я хотел бы, чтобы сначала выступил ты! Я скажу так: все, кто считает, что выбор уже сделан, ошибаются. Кроме того, в 2005 году все, начиная с «Zeit», писали,

что у нас перспектив нет. Но потом все стало иначе. Если бы удалось мобилизовать своих людей, я бы не стал сдаваться.

Шмидт: Скорее да, чем нет...).

Приведенный пример интервью показывает, что журналисты, как правило, поднимают достаточно четко очерченный круг тем для публичного обсуждения с политиками в позиции «после власти», обычно связанный с определенным социально-политическим событием или личным событием в жизни интервьюируемого. К этим темам относятся прежде всего такие вопросы, как анализ современной политической ситуации в векторах «от прошлого к настоящему» и «от настоящего к прошлому»; сравнительная оценка деятельности в том числе и оппозиционных политиков прошлого и настоящего, прогнозы на будущее. Кроме того, даже один пример показывает, что коммуникативно-речевая ситуация диалогического взаимодействия с массмедиа играет для послевластных политиков значительную роль. Хотя в ней возможности дискурсивных действий экс-политика и ограничены, общение в жанре интервью дает ему возможность поддерживать общественное внимание к собственной персоне, активизировать тем самым свой политический статус, а также воздействовать на потенциального массового адресата.

Языковая личность политика «после власти» в статусе объекта ментально-речевой деятельности других

К текстам, в которых послевластный политик становится объектом оценочных рассуждений других, принадлежат в первую очередь отзывы о его мемуарах, политические биографии, журналистские обзоры, политические комментарии и речи о нем других политиков в связи с его юбилейной датой или по иным случаям. К таким текстам можно отнести и оценочные рассуждения о политике, ушедшем со сцены, выкладываемые в интернете людьми, не имеющими прямого отношения к политике. Совокупность подобных текстов образует определенный вид дискурса, в основе содержания и формулирования которого лежит личность политика на этапе «после власти» в функции единого (тематического) **объекта** для речи других, не принимающего непосредственного речевого участия в дискуссии.

Наиболее распространенный вид коммуникативной ситуации, вызывающий появление или оживление дискурса о личности послевластного политика, — это выход в свет его политических мемуаров. Отклики на них могут исходить как от профессиональных политиков, политологов и журналистов, так и от простых граждан (потенциальных избирателей). При этом, как показывает анализ текстов, для первой группы адресантов характерна тематическая сосредоточенность прежде всего на историко-политической роли обсуждаемого политика, а также на его продуктивных либо ошибочных действиях в прошлом, имеющих следы в настоящем. Люди, не имеющие прямого отношения к политической сфере, чаще связывают по-житейски обсуждение прошлой деятельности политика в отставке с привлекательными или негативными сторонами его личности и/или перипетиями его личной биографии.

Выше уже приводились фрагменты текстов-откликов профессиональных специалистов на политические мемуары разных политиков — как одобрительного, так

и критического характера. Перефразируя слова уже упоминавшегося выше немецкого историка С. Ф. Келлердорфа, сказанные в адрес биографов, писавших об экс-канцлере Коле, в таких откликах, как и в статьях о политиках, ушедших с политической сцены, очень важно уметь отличать их мнения, релевантные для истории, от высказываний, по-человечески объяснимых, но в конце концов не столь значимых для нее (*zu unterscheiden zwischen relevanten Aussagen und menschlich nachvollziehbaren, aber letztlich irrelevanten Äußerungen*). Келлердорф пишет о том, что, например, в многочисленных книгах о Коле, вышедших в свет сразу после его смерти, можно найти массу прямо противоположных мнений о нем: «от ограниченного провинциального увальня до первоклассного мирового государственного деятеля» (... *zwischen einem tumben Provinztrottel und einem Weltstaatsmann Nr. 1*¹²).

Не менее противоречивы и мнения читателей — как простых граждан, так и профессиональных политиков — о мемуарах и личности их автора — Шрёдера. Одни из них считают «*Entscheidungen. Mein Leben in der Politik*» очень информативной историей (*durchaus informativ*), подчеркивают толерантность бывшего канцлера к политическим соратникам и соперникам (*alte Weggenossen und Gegner leben auf, insgesamt sehr versöhnlich beschrieben*) (оживают старые соратники и противники, о которых в целом написано очень дружелюбно), а также его жизненную и политическую активность (*erzählt aus der Perspektive eines Mannes, der wirklich alles an vorderster Front miterlebt hat; Eine Autobiographie von jemandem, dem nie etwas auf dem Silbertablett serviert wurde, sondern der alles aus eigener Kraft erreicht hat*) (повествование ведется с точки зрения человека, который действительно был непосредственным свидетелем и участником всех событий; автобиография того, кому никогда ничего не предлагали на блюдечке, а кто сам добился всего своими собственными силами). Другие с разной степенью выражения отрицательной оценки отмечают характерные для Шрёдера эгоцентризм, театральность, стремление много говорить о себе и своих достоинствах (*Bei mir überwog der Eindruck, dass es eigentlich überfrüh ist, gut ein Jahr nach dem Ausscheiden aus dem Kanzleramt mit einer Biographie auf die Bühne zurückzukehren; Das merkt man recht schnell bei der Lektüre dieses Buches, dass mehr erzählen und berichten soll, als zu rechtfertigen, oder abzurechnen*) (У меня сложилось впечатление, что на самом деле еще слишком рано возвращаться на сцену всего лишь через год после ухода с поста канцлера, уже имея биографию; Читая эту книгу, довольно быстро замечаешь, что рассказывать следует гораздо больше, чем оправдывать или судить).

Особенно ярко критическое отношение к книге и к личности самого автора выражает читатель, креативно перефразирующий заглавие мемуаров Шрёдера в виде восклицательного оценочного высказывания: *Irgendwann erfindet jeder eine Geschichte, die er für dein Leben hält!* (В какой-то момент каждый придумает историю, которую он будет считать своей жизнью!). Не называя прямо имени мемуариста, читатель в аллегорической форме намекает на то, что все, о чем повествует автор книги, не имеет никакого отношения к истинной жизни других людей.

Как видим, в качестве **объекта публичного обсуждения** экс-политики нередко воспринимаются не только (а иногда и не столько) по их социально-профессиональным функциям, но и по персональным качествам. Предметом общественной

¹² Was man jetzt über Helmut Kohl lesen sollte — und was nicht. <http://www.welt.de/geschichte/article166101786/html> (дата обращения 03.03.2020).

критики при этом могут стать и сугубо личные обстоятельства профессионального политика, не имеющие отношения к политике, что свидетельствует об обязательном сочетании в структуре его личности институционально-профессионального и индивидуального параметров сторонней оценки.

Обратимся, например, к мнениям избирателей, высказанным в интернет-комментариях в связи с появлением статьи «Helmut Kohl: Europa geeint, Familie entzweit»¹³ («Гельмут Коль: Европа объединилась, семья распалась»). Уже сам заголовок статьи (в функции прагматического импульса к развитию дискурса) в некоторой степени диктует условия развития многоголосой дискуссии о личности Коля в определенном тематическом ракурсе. Действительно, экс-канцлер объединенной Германии известен в немецком обществе не только благодаря результатам успешной профессиональной политической деятельности, но и из-за неблагоприятной личной жизни в роли мужа и отца. Формы высказываний участников дискурса достаточно категоричны, иногда чрезмерно резки, что, как известно, отличает интернет-коммуникацию, особенно по злободневным и актуальным для общества темам. Одновременно подобные тексты-комментарии свидетельствуют о роли психологического фактора при оценке эффективности деятельности политика, зачастую воспринимаемого его адресатами (ошибочно) не как институциональную функцию, а как частное лицо.

Так, в одном из комментариев в упомянутом дискурсе читатель пишет о том, что «господин Коль поставил себя выше понятия “право” и не может быть поэтому примером для других» (*Herr Kohl hat sich über das Recht gestellt — kein Vorbild!*), что, по мнению этого читателя, важно для образцового политика. Еще более резким кажется сопоставление позиций Коля как частного лица и как успешного политика в следующем комментарии: *...ein Mann der seine Familie aufgibt, nur damit eine andere Frau ihn mag, hat er es eigentlich nicht verdient, erwähnt zu werden*. Его автор не учитывает заслуги Коля перед немецким народом и несправедливо считает, что «раз экс-канцлер бросил семью из-за другой женщины, он, собственно, не заслужил того, чтобы о нем вспоминали».

Выводы

Речевое поведение политика в дискурсивной позиции «после власти» имеет ряд специфических особенностей. Они касаются прежде всего переориентации ментально-речевой деятельности послевластного политика на ретроспективное осмысление и аналитическое осознание прошлого политического опыта с адаптацией к актуальному настоящему и прогнозом на будущее.

В структуре языковой личности политика как действующего лица социально-политического речевого общения наблюдается субъектно-объектное «расслоение» с разным балансом его субъектного и/или объектного функционального статуса, обусловленного, во-первых, уменьшением числа коммуникативных ситуаций с речевой актуализацией политика «после власти» и, во-вторых, изменением их общего прагматического контекста.

¹³ Helmut Kohl: Europa geeint, Familie entzweit. <https://meta.tagesschau.de/id/124559/helmut-kohl-europa-geeint-familie-entzweit> (дата обращения: 22.06.2017).

В роли иницирующей коммуникацию **когнитивно-речевого субъекта** постлевластный политик наиболее очевидно актуализуется как образ автора в главном типе текста этого периода — политических мемуарах, имеющих наряду с общими признаками мнемонической литературы специфические черты в плане как содержания, так и формы текста. В коммуникативных ситуациях интервью, политической дискуссии, опубликованных в открытой печати политических статей или журналистских комментариев, где постлевластный политик выступает в прагматическом качестве **объекта оценки** для других, он реализует себя как коммуникативно-речевой **субъект-реагент**, становясь автором речевых высказываний, дискурсивно связанных и между собой, и с оценочно-критическими предтекстами.

Источники

- Adenauer 1965 — Adenauer K. *Erinnerungen 1945–1953*. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt Stuttgart, 1965. 589 S.
- Kohl 2005 — Kohl H. *Erinnerungen 1982–1990*. München: Droemer-Verlag, 2005. 1134 S.
- Schröder 2006 — Schröder G. *Entscheidungen: Mein Leben in der Politik*. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 2006. 512 S.

Авторефераты диссертаций

- Журавлева 2012 — Журавлева Е. А. *Актуализация категории автора в текстах политических мемуаров (на материале мемуаров президентов США)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 26 с.
- Нюбина 2000 — Нюбина Л. М. *Поэтика и прагматика мнемонического повествования (на примере немецкой литературы воспоминаний XX века)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 36 с.
- Сурина 2007 — Сурина А. В. *Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 21 с.
- Цуцьева 2019 — Цуцьева М. Г. *Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2019. 40 с.

Литература

- Гальперин 2005 — Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2005. 144 с.
- Гончарова 2016 — Гончарова Е. А. Стиль как выражение релятивных и коррелятивных отношений в тексте. *Вопросы филологии*. 2016, 1 (53): 19–24.
- Гончарова 2019а — Гончарова Е. А. Содержание и выражение диалогических отношений в интервью. В сб.: *Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете*. Вып. VIII: Типология речевых жанров. Филиппов К. А., Копчук Л. Б., Григорьева Л. Н. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. С. 133–145.
- Гончарова 2019б — Гончарова Е. А. Речевые сигналы дискурсивной открытости немецкоязычного текста *Laudatio*. В сб.: *Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете*. Вып. IX: Диалогическое взаимодействие текстов и дискурсов. Нефедов С. Т., Езан И. Е. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. С. 19–36.
- Шейгал 2004 — Шейгал Е. И. *Семиотика политического дискурса* М.: Гнозис, 2004. 324 с.
- Küsters 2005 — Küsters H. J. Die „Erinnerungen“ Konrad Adenauers. In: Bosbach F., Brechtken M. *Politische Memoiren in deutscher und britischer Perspektive*. Düsseldorf: Droste, 2005. S. 133–157.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2020 г.
Статья рекомендована в печать 3 декабря 2020 г.

Evgeniia A. Goncharova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russia
eagon@rambler.ru

Mariia G. Tsutsieva

Military Academy of Telecommunications named after S. M. Budennyi,
3, Tikhoretskii pr., St. Petersburg, 194064, Russia
maria-ts@yandex.ru

Linguistic-cognitive and communicative-pragmatic features of a politician's speech activity in a discursive position "after power"

For citation: Goncharova E. A., Tsutsieva M. G. Linguistic-cognitive and communicative-pragmatic features of a politician's speech activity in a discursive position "after power". *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (2): 339–362.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.206> (In Russian)

The cognitive and speech activity of the linguistic personality of a politician in the discursive position "after power" has a number of significant differences in comparison with the stages "before power" and "in power". Its general cognitive and communicative-pragmatic character that can be described as accumulative-syncretic, adaptive and agonal, is due, firstly, to the seamless combination of substantive-thematic and speech signals of the personal and political past experiences. These experiences are projected onto the issues of the supra-individual present and included in the forecasts of the social future. These signals are present in texts generated by the politician during the post-power period. There is a subject-object "stratification" with a different balance of a subject and/or object functional status in the structure of the linguistic personality of the post-power politician. As a (proactive) subject of cognition and communication, the politician "after power" creates his/her own texts, primarily memoirs and (oral) political speeches. Becoming the object of evaluation, the politician verbally responds to them as a mental-speech subject of speech utterances in communicative situations of interviews, political discussions, public responses to articles of other politicians or comments of journalists that are close or distant to the other side of the communication. At the same time, being an object, not only with social and professional functions, but also personal qualities of the ex-politician are publicly discussed, which indicates the mandatory combination of institutional, professional and individual (third-party) assessment parameters in the structure of his/her personality.

Keywords: linguistic personality of a politician, discursive position.

References

- Гальперин 2005 — Gal'perin I. R. *Text as an object of linguistic research*. 3rd ed. Moscow: Editorial URSS Publ., 2005. 144 p. (In Russian)
- Гончарова 2016 — Goncharova E. A. Style as an expression of relative and correlative relations in the text. *Voprosy filologii*. 2016, 1 (53): 19–24. (In Russian)
- Гончарова 2019a — Goncharova E. A. Content and expression of dialogical relationship in interviews. In: *Nemetskaia filologiia v Sankt-Peterburgskom universitete*. Vol. VIII: Tipologiia rechevykh zhanrov. Filippov K. A., Kopchuk L. B., Grigor'eva L. N. (eds). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2019. P. 133–145. (In Russian)
- Гончарова 2019b — Goncharova E. A. Speech signals of the discursive openness of the German text Laudatio. In: *Nemetskaia filologiia v Sankt-Peterburgskom universitete*. Vol. IX: Dialogicheskoe vzaimode-

istvie tekstov i diskursov. Nefedov S. T., Ezan I. E. (eds). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2019. P. 19–36. (In Russian)

Шейгал 2004 — Shejgal E. I. *Semiotics of Political Discourse*. Moscow: Gnozis Publ., 2004. 324 p. (In Russian)

Küsters 2005 — Küsters H. J. Die „Erinnerungen“ Konrad Adenauers. In: Bosbach F., Brechtken M. *Politische Memoiren in deutscher und britischer Perspektive*. Düsseldorf: Droste, 2005. P. 133–157.

Received: May 6, 2020

Accepted: December 3, 2020